

Петер
Хандке

The BEST

Женщина-левша
Нет желаний — нет счастья
Дон Жуан

[повести]

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ 2019
ПО ЛИТЕРАТУРЕ

XX век / XXI век – The Best

Петер Хандке

**Женщина-левша. Нет желаний
– нет счастья. Дон Жуан**

«Издательство АСТ»

1974, 1976, 2004

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Хандке П.

Женщина-левша. Нет желаний – нет счастья. Дон Жуан /
П. Хандке — «Издательство АСТ», 1974, 1976, 2004 — (XX век /
XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-120913-1

В этот сборник нобелевского лауреата вошли знаковые повести, написанные в 1970-е годы. Они невероятно глубоки, поэтичны и объединены одной мыслью: бездуховное существование противно нашей природе. Хандке показывает, как замкнутое в кругу монотонных бытовых действий сознание не позволяет человеку найти себя, стать настоящей личностью. Его герои – будь то образцовая домохозяйка Марианна из «Женщины-левши», совершающая самоубийство мать из автобиографической повести «Нет желаний – нет счастья» или Дон Жуан, который, по версии писателя, оказывается вовсе не демоническим обольстителем, а вечным странником, – переживают острейший разлад с враждебным окружающим миром и чувствуют себя песчинками, попавшими в водоворот событий. Смогут ли они выйти из борьбы с угрожающей безликостью победителями и ощутить «блаженство жизни без судорог и страха»?

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-120913-1

© Хандке П., 1974, 1976, 2004
© Издательство АСТ, 1974, 1976, 2004

Содержание

Женщина-левша	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Петер Хандке
Женщина-левша. Нет желаний
– нет счастья. Дон Жуан

Peter Handke
DIE LINKSHANDIGE FRAU
WUNSCHLOSES UNGLUCK
DON JUAN
(erzählt von ihm selbst)

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 1974, 1976, 2004
© Перевод. И. Каринцева, наследники, 2019
© Перевод. Г. Косарик, наследники, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Женщина-левша

Ей было тридцать лет, жила она в поселке дачного типа, расположенном террасами на южном склоне невысокого горного кряжа, как раз над большим городом и его испарениями. Глаза ее, даже когда она ни на кого не смотрела, иной раз вспыхивали, но выражение лица при этом не менялось. Однажды зимой в конце дня она сидела за электрической швейной машинкой у окна большой продолговатой комнаты в желтоватом свете, падавшем с улицы, а рядом примостился ее восьмилетний сын, писавший домашнее сочинение. Одна боковая стена комнаты была стеклянная; это огромное окно выходило на площадку, поросшую травой, где валялась выброшенная рождественская елка, и на глухую стену соседнего дома. Мальчуган сидел за темным некрашеным столом, склонившись над тетрадкой, и писал авторучкой, при этом он то и дело высовывал кончик языка и облизывался. Время от времени он останавливался, глядел в огромное окно и принимался писать еще усерднее; а то поднимал глаза на мать, и она, хоть и сидела к нему спиной, чувствовала это и оглядывалась. Молодая женщина была замужем, муж ее заведовал отделом сбыта местного филиала фирмы по производству фарфора, пользующейся европейской известностью, этим вечером он возвращался из длительной деловой поездки в Скандинавию. Семья их не была состоятельной, но жили они вполне обеспеченно, а бунгало снимали: мужа ведь в любую минуту могли перевести в другое место.

Мальчуган кончил сочинение и стал читать вслух:

– «Как представляю я себе прекрасную жизнь: я хотел бы, чтобы не было ни холода, ни жары. Пусть всегда дует теплый ветер, а иногда пусть поднимается такой вихрь, чтобы пришлось присесть на корточки. Пусть все машины исчезнут. Дома пусть будут красными. А кустарник пусть будет золотой. И пусть все всё знают. И нечему будет учиться. А еще пусть все живут на островах. На улицах там пусть стоят машины, открытые – садись, как устанешь. Но никто вообще больше не устает. Машины эти ничейные. Вечером не нужно ложиться спать. Заснуть можно там, где стоишь. Дождей никогда не бывает. Друзей всегда четверо, а все люди, которых не знаешь, пусть куда-то исчезнут. Все, чего ты не знаешь, пусть исчезнет».

Молодая женщина встала и выглянула в другое окно, поперечное, узкое, перед которым вдалеке стояли ели, сейчас недвижные. У их подножия выстроился ряд индивидуальных гаражей, одинаково прямоугольных, с такими же плоскими крышами, как у коттеджей, перед гаражами проходила подъездная дорога, сейчас там по бесснежному тротуару какой-то мальчишка волочил санки. Еще дальше за деревьями, внизу на равнине, виднелись окраинные кварталы большого города; из долины как раз поднимался самолет. Мальчуган подошел к матери, погрузившись в себя, но не оцепенелой, а скорее податливой, и спросил, куда она смотрит. Молодая женщина ничего не слышала, даже не мигала. Мальчик тряхнул ее, крикнул:

– Да очнись же!

Она пришла в себя, положила руку на плечо мальчика. Он тоже глянул в окно и, засмотревшись, невольно открыл рот. Немного погодя он встряхнулся и сказал:

– Ну вот, я тоже загляделся, как и ты!

Оба рассмеялись и долго не могли остановиться – стоило им утихнуть, как тут же один из них снова заливался смехом и ему вторил другой. В конце концов они, хохоча, обнялись и вместе повалились на пол.

Мальчуган спросил, можно ли ему теперь включить телевизор. Мать ответила:

– Но мы же хотели встретить Бруно в аэропорту.

Он, однако, уже включил телевизор и уселся перед ним.

Молодая женщина наклонилась к сыну, сказала:

– Как же я объясню твоему отцу, который больше месяца провел за границей, что...

Мальчуган уставился в телевизор и ничего больше не слышал. Молодая женщина крикнула еще раз; она сложила ладони рупором, словно они были где-то за городом, но мальчуган упорно смотрел только на экран. Она помахала рукой перед его глазами, но он склонил голову набок и продолжал смотреть, приоткрыв рот.

В надвигавшихся сумерках молодая женщина, распахнув меховую шубку, стояла перед гаражом; припорошенные снегом лужи начали подмерзать. Весь тротуар был усыпан иголками выброшенных рождественских елок. Отпирая двери гаража, она посмотрела вверх на поселок – в громоздившихся друг над другом бунгало-коробочках кое-где уже светились огни. Сразу же за поселком начинался смешанный лес, главным образом дубы, буки и ели; лес полого поднимался к одной из вершин горного кряжа, ни деревни, ни единого дома не было между лесом и горой. Мальчуган появился в окне их «жилой ячейки», как называл бунгало Бруно, и поднял приветственно руку.

Когда молодая женщина приехала в аэропорт, еще не стемнело; прежде чем войти в зал ожидания для пассажиров зарубежных авиалиний, она, взглянув на небо, разглядела над флагами с просвечивающими флагами светлые пятна. Она стояла среди встречающих и ждала – лицо, полное ожидания, но не напряженное, открытое и в то же время замкнутое. После того как объявили, что приземлился самолет из Хельсинки, из-за таможенного барьера стали появляться пассажиры, среди них и Бруно с чемоданом и сумкой Duty-free-Shops¹; лицо его застыло от усталости. Он был едва ли старше жены, всегда носил двубортный серый костюм в елочку и рубашку с открытым воротом. Глаза у него были такие темно-карие, что зрачки едва различались; он мог долго не отрываясь смотреть на людей, но у тех не появлялось ощущения, что их изучают. В детстве он был лунатиком и взрослым тоже часто разговаривал во сне.

В зале, на глазах у всех, он положил голову на плечо жены, словно ему необходимо было незамедлительно отдохнуть, зарывшись в мех. Она взяла у него из рук сумку и чемодан, и тогда он обнял ее. Так они стояли долго; от Бруно слегка пахло спиртным.

В лифте, спускаясь в подземный гараж, он посматривал на нее, она же его внимательно разглядывала.

Она первой села в машину и открыла ему дверцу переднего сиденья. Он еще постоял секунду, уставившись куда-то в пустоту. Потом стукнул себя кулаком по лбу, зажал пальцами нос и стал как бы выдувать воздух из ушей, точно они были до сих пор еще заложены от долгого полета.

В машине, уже свернув с магистрали на дорогу к городку на склоне кряжа, где был их поселок, она положила руку на клавишу радиоприемника и спросила:

– Хочешь музыку?

Он помотал головой. Между тем уже наступила ночь, в административных высотных зданиях вдоль шоссе почти все огни погасли, а в жилых поселках на холмах вокруг все окна ярко светились. Немного погодя Бруно сказал:

– В Финляндии было всегда темно – и днем и ночью. И ни единого слова из того языка, на котором они говорят, я не понимал! В любой другой стране хоть какие-то похожие слова найдутся, а у них – никаких интернациональных слов. Единственное слово, которое я запомнил, – это «olut» – пиво. Я частенько там прикладывался. Однажды днем, когда чуть-чуть посветлело, я сидел в кафе самообслуживания и внезапно стал корябать ногтями стол. Темнота, ощущение холода в ноздрях, и не с кем словечком перемолвиться. А как-то ночью я услышал вой волков – чуть ли не с радостью. И еще: время от времени я мочился в унитаз с инициалами нашей фирмы! Хочу тебе кое-что сказать, Марианна: там, на севере, я много думал о тебе и о Стефане, и впервые после долгих лет, прожитых вместе, я ощутил, что мы удивительно подходим друг другу. И как-то вдруг испугался, что от одиночества сойду с ума, да еще на какой-то

¹ Магазин беспошлинной торговли (в аэропорту).

особенный, жутко мучительный манер, как еще никто не сходил с ума. Я часто говорил тебе, что люблю тебя, но только теперь я чувствую нашу нерушимую связь. Да, на веки вечные. Но самое странное, что теперь, почувствовав это, я и без вас бы прожил.

Немного погодя она положила ладонь ему на колено и спросила:

– А переговоры?

Бруно рассмеялся:

– Количество заказов опять увеличивается. Хоть едят северяне бог знает что, зато с наших тарелок. В следующий раз клиентам с севера придется потрудиться и приехать к нам. Падение цен застопорилось; нам нет больше нужды предоставлять им такую большую скидку, как во время кризиса. – Он снова рассмеялся. – Они даже по-английски не говорят. Мы разговаривали с помощью переводчицы, незамужней женщины с ребенком, она училась у нас. Кажется, на юге.

Марианна:

– Тебе так кажется?

Бруно:

– Нет, я, конечно, знаю. Она мне рассказывала.

В поселке они прошли мимо освещенной телефонной будки, в которой кто-то шевелился, бесшумно, словно тень, и завернули в одну из узких, кривых улочек, что рассекали поселок поперек. Он обнял жену. Отпирая дверь, молодая женщина еще раз оглянулась, посмотрела туда, где тонула в полутьме ночная улица, где громоздились одно над другим бунгало с задернутыми занавесками.

Бруно спросил:

– Тебе все еще нравится здесь?

Она:

– Иной раз мне хочется, чтобы у наших дверей стояла чадная пиццерия или газетный киоск.

Бруно:

– А я вздыхаю с облегчением, когда возвращаюсь сюда.

Она улыбнулась как бы про себя.

В большой комнате в очень широком кресле под торшером сидел мальчуган и читал. Когда родители вошли, он поднял на мгновение глаза и продолжал читать. Бруно подошел к нему, но он не прервал чтения. Немного погодя, однако, едва заметно ухмыльнулся. Встал и начал шарить по карманам у Бруно, искать гостинец.

Молодая женщина пришла из кухни с серебряным подносом, на котором стояла рюмка водки, но мужа и сына в комнате уже не было. Она пошла по коридору, заглядывая в комнаты, расположенные, точно камеры, справа и слева от прохода. Открыла дверь в ванную, где Бруно, сидя неподвижно на краю ванны, наблюдал за тем, как сын, уже в пижаме, чистит зубы. Мальчуган закатал рукава, чтобы в них не залилась вода, и старательно облизывал открытый тюбик зубной пасты – у детской пасты был привкус малины; затем, встав на цыпочки, положил пасту и щетку на полку.

Бруно взял рюмку с подноса и спросил:

– А ты не выпьешь? У тебя есть какие-то планы на сегодняшнюю ночь?

Она:

– Разве я не такая, как обычно?

Бруно:

– Как всегда, не такая.

Она:

– Как это понимать?

Бруно:

– Ты принадлежишь к тем немногим людям, перед которыми не ощущаешь страха. Кроме того, ты такая женщина, перед которой не надо ничего разыгрывать.

Он легонько шлепнул мальчугана, и тот вышел из ванной.

В комнате, когда они с Бруно убирали раскиданные за день детские игры, Бруно вдруг поднялся и сказал:

– У меня все еще гудит в ушах после полета. Пойдем в ресторан, поужинаем по-праздничному. У нас здесь слишком домашняя атмосфера, даже какая-то удручающе-зловещая. Надень, пожалуйста, платье с глубоким вырезом.

Она, еще сидя на корточках и убирая, спросила:

– А что наденешь ты?

Бруно:

– Я пойду не переодеваясь: ведь мы так всегда делали. А галстук возьму у швейцара. Не хочешь ли ты, как и я, пройтись пешком?

Они вошли в сопровождении кривоногого кельнера – Бруно еще поправлял чужой галстук – в пышный и благодаря очень высоким потолкам казавшийся чуть ли не дворцовым зал ресторана, расположенного поблизости и в этот вечер полупустого. Кельнер пододвинул им стулья, так что им оставалось только сесть. Они одновременно развернули салфетки, рассмеялись.

Бруно не только съел все, что было на тарелке, но и дочиста вытер ее кусочком белого хлеба. После чего, держа в руке рюмку кальвадоса, сверкавшего в свете люстр, и разглядывая его, сказал:

– Сегодня мне просто необходимо было, чтобы меня так обслужили. Какое при этом возникает ощущение защищенности! Ощущение микровечности.

Кельнер неподвижно стоял в глубине зала, а Бруно продолжал говорить:

– В самолете я читал английский роман. Там есть эпизод со слугой, когда его готовность услужить, не теряя чувства собственного достоинства, вызывает у героя восхищение своей красотой, сформировавшейся в тысячелетнем служении аристократии. Быть объектом этого гордого, исполненного почтительности труда слуг – вот что примиряло его, пусть хоть в краткие часы чаепития, не только с самим собой, но, как ни странно, со всем родом человеческим.

Она отвернулась; Бруно окликнул ее, она обернулась, не глядя на него.

Бруно сказал:

– Сегодня мы проведем ночь в отеле. Стефан знает, где мы. Я положил ему номер телефона рядом с кроватью.

Она опустила глаза, Бруно кивнул кельнеру, который тут же к нему нагнулся.

– Мне нужна комната на сегодняшнюю ночь. Понимаете, мы с женой хотим заняться любовью, сейчас же.

Кельнер взглянул на них и улыбнулся, но не заговорщически, а скорее участливо.

– Сейчас, правда, в городе ярмарка, но я узнаю. – У двери он еще раз обернулся и сказал:

– Я сейчас вернусь.

Они остались одни в зале, где на всех столах еще горели свечи; с гирлянд из еловых веток бесшумно падали иголки; на стенах, по гобеленам с охотничьими сценами, двигались тени. Молодая женщина долгим взглядом посмотрела на Бруно. Хотя она была вполне серьезна, лицо ее заметно светилось.

Кельнер вернулся и, делая вид, что запыхался, сказал:

– Вот ключ от башенной комнаты. Там ночевали государственные деятели. Надеюсь, это вам не помеха?

Бруно покачал головой, а кельнер без всякого намека добавил:

– Желаю вам приятной ночи. Надеюсь, башенные часы вам не помешают; большая стрелка, знаете ли, каждую минуту сипит.

Бруно, отпирая дверь, спокойно сказал:

– Нынче вечером мне кажется, будто исполнилось все, чего я когда-либо желал. Будто я могу с помощью волшебных чар переноситься из одной обители блаженства в другую, без проводов. Я ощущаю в себе этакую волшебную силу, Марианна. И ты мне нужна. И я счастлив. Все во мне гудит от счастья.

Он удивленно улыбнулся ей. Они вошли в комнату и поскорее зажгли везде свет, даже в прихожей и ванной.

Как только забрезжил рассвет, она проснулась. Посмотрела в окно, чуть приоткрытое, с поднятыми шторами; в комнату просачивался зимний туман. Стрелка башенных часов шелкнула. Повернувшись к Бруно, который спал рядом, она сказала:

– Мне хочется домой.

Он понял тотчас, еще во сне.

Они медленно шли по дороге, ведущей из парка; Бруно обнял ее. Но вдруг отбежал и перекувырнулся на замерзшем газоне.

Она внезапно остановилась, покачала головой. Бруно, который прошел уже чуть вперед, вопросительно оглянулся на нее.

– Ничего, ничего! – сказала она и снова покачала головой.

Она смотрела на Бруно долгим взглядом, словно его вид помогал ей что-то обдумывать. Тогда он подошел к ней, но она перевела взгляд на покрытые инеем деревья и кусты парка, которые сейчас слегка раскачивались от утреннего ветра, и сказала:

– Мне пришла в голову странная мысль, собственно, даже не мысль пришла, а меня внезапно озарило. Но мне не хочется говорить об этом. Пошли скорее домой, Бруно. Мне нужно отвезти Стефана в школу.

Она двинулась было дальше, но Бруно остановил ее.

– Горе тебе, если ты сейчас же не скажешь мне все.

Она:

– Горе тебе, если я скажу.

И тут же рассмеялась своим словам. Они долго смотрели в глаза друг другу, вначале не слишком-то серьезно, потом нервно, испуганно и наконец очень спокойно.

Бруно:

– Так, а теперь говори.

Она:

– Меня внезапно озарило. – Ей и от этого слова стало смешно. – Ты от меня уйдешь, ты оставишь меня одну. Да, вот оно: уходи, Бруно. Оставь меня одну.

Немного погодя Бруно медленно кивнул, приподнял руку и спросил:

– Навсегда?

Она:

– Не знаю. Но ты уйдешь и оставишь меня одну.

Они помолчали.

Бруно улыбнулся и сказал:

– Ну, сейчас я, во всяком случае, вернусь и выпью в отеле чашку горячего кофе. А вечером зайду за своими вещами.

Она ответила без злобы, скорее заботливо:

– На первое время ты можешь, наверно, поселиться у Франциски. Ее сослуживец, учитель, как раз ушел от нее.

Бруно:

– Я обдумаю все за чашкой кофе.

Он зашагал назад, к отелю, а она вышла из парка.

Идя по длинной аллее, что вела в поселок, она вдруг подпрыгнула и припустилась бегом. Дома она раздвинула занавески, включила проигрыватель и начала пританцовывать еще прежде, чем зазвучала музыка. Мальчуган вошел в комнату, в пижаме, спросил:

– Что это ты делаешь?

Она:

– У меня так щемит сердце. – И после паузы: – Одевайся, Стефан. Пора ехать в школу. Я поджарю тебе гренки. – Она подошла к зеркалу в прихожей, пробормотала: – О боже-боже-боже.

Стояло светлое зимнее утро, туман рассеивался, и на землю, точно снег, падали его хлопья, только медленнее, реже.

У школы молодая женщина встретила свою подругу, учительницу Франциску, крепко сбитую, с короткими белокурыми волосами особу; голос ее можно было узнать в шуме любого сборища, даже если говорила она совсем негромко. Она почти всегда высказывала твердые суждения – не из убежденности, а из опасения, что иначе все разговоры покажутся пустой болтовней.

Как раз зазвонил школьный звонок. Франциска поздоровалась с мальчуганом, хлопнув его по плечу, и, когда тот исчез в воротах, сказала подруге:

– Я все знаю. Бруно мне тут же позвонил. А я ему сказала: наконец-то твоя Марианна проснулась... Ты и вправду этого хочешь? Ты вообще серьезно все решила?

Она:

– Я сейчас не могу говорить, Франциска.

Учительница, уже входя во двор школы, крикнула:

– Встретимся после уроков в кафе! Я ужасно взволнованна.

Молодая женщина вышла с пакетами из химчистки; постояла в очереди в мясной лавке; на стоянке – перед универсамом маленького городка – погрузила в багажник своего «Фольксвагена» тяжелые пластиковые пакеты с покупками. У нее еще оставалось время, и она решила погулять в огромном холмистом парке, пройти мимо замерзших прудов, где по льду скользили утки. Ей захотелось посидеть, но сиденья со всех скамей на зимнее время сняли. Поэтому она стояла, разглядывая затянутое тучами небо. Какие-то пожилые люди остановились возле нее и тоже стали глядеть на небо.

Она встретилась с Франциской в кафе; мальчуган, сидя рядом с ней, читал комикс. Франциска показала на книжицу:

– Эта утка – единственный герой комиксов, которого я допускаю в класс. Я даже настаиваю на том, чтобы дети читали ее грустные приключения. На примере этого невезучего утенка они больше узнают о формах бытия, чем в реальной действительности, – они ведь живут в обеспеченных семьях, владеющих домами и участками, вся жизнь этих семей в том, чтобы подражать героям телефильмов.

Мальчуган поверх книжицы и молодая женщина обменялись взглядами.

Франциска спросила:

– Что же ты будешь теперь делать, оставшись одна?

Марианна:

– Сидеть дома и горько плакать.

Франциска:

– Нет, серьезно, у тебя кто-то есть?

Марианна покачала головой.

Франциска:

– А ты думала, на какие средства вы оба будете жить?

Марианна:

– Нет. Но я охотно опять занялась бы переводами. Когда я уходила из издательства, издатель сказал, что теперь я смогу наконец не только иностранные договоры оформлять – это входило в мои обязанности, – а переводить настоящие книги. С тех пор он много раз предлагал мне работу.

Франциска:

– Романы. Стихи! И все за какие-нибудь двадцать марок страница, три марки в час.

Марианна:

– Кажется, пятнадцать марок страница.

Франциска долго-долго смотрела на нее.

– Мне бы хотелось, чтобы ты поскорее присоединилась к нашей группе. Вот увидишь: у нас такой кружок, где каждый в полной мере раскрывает свои возможности. И мы не обмениваемся кулинарными рецептами! Ты не представляешь себе, сколько благодатных часов могут подарить друг другу женщины.

Она:

– Ладно, зайду к вам при случае.

Франциска:

– Ты когда-нибудь жила одна?

Молодая женщина опять покачала головой, и Франциска сказала:

– А я жила. И я презираю одиночек. Я презираю себя, когда остаюсь одна. Бруно, кстати, будет на первых порах жить у меня – если ты, как я подозреваю, не захочешь еще сегодня вечером получить его обратно. Я пока во все это просто не в силах поверить. И все-таки я в восторге, Марианна, и, как это ни странно, я горжусь тобой.

Она привлекла к себе молодую женщину и обняла ее. А потом сказала мальчугану, укравшемуся за книгой, похлопав его по коленке:

– Ну как, на этот раз прижал толстосум своего бедного родственничка?

Мальчуган, погруженный в чтение, не ответил, и какое-то время все молчали. Ответила в конце концов Марианна:

– Стефану всегда хочется быть на месте богача – богатый, говорит он, всегда важнее.

Франциска поднесла пустой стакан ко рту; сделала два-три глотательных движения. Поставила стакан и, переводя взгляд с женщины на мальчугана, принялась их разглядывать, при этом лицо ее постепенно смягчалось. (Иной раз Франциску внезапно что-то глубоко трогало, что-то неопределенное, чего не выразить словами; она успокаивалась, и лицо ее обретало сходство со многими и весьма разными лицами – словно она в этой неопределенной растроганности открывала самое себя.)

Дома, стоя в коридоре перед открытыми стенными шкапами, молодая женщина укладывала чемоданы Бруно. Подняв крышку одного из приготовленных чемоданов, она увидела там калачиком свернувшегося мальчугана; он тут же вскочил, убежал. Из второго чемодана вылез приятель Стефана, довольно толстый мальчишка, и выбежал вслед за ним на площадку, там они прижались носами к стеклу и высунули языки, что обоим, когда языки касались замерзшего стекла, причиняло одинаково сильную боль. Молодая женщина, стоя в коридоре на коленях, аккуратно сложила рубашки, затем втащила чемоданы в большую комнату и поставила там, чтобы они были наготове. Когда в дверь позвонили, она быстро ушла на кухню. Бруно сам отпер дверь и вошел, озираясь, точно непрошенный гость. Увидел чемоданы и позвал жену; показав на них, усмехнулся:

– Ты уже и мою фотографию с ночного столика убрала?

Прощаясь, они подали друг другу руки.

Он спросил ее о Стефане; она показала на стеклянную стену, за которой мальчишки молча корчили гримасы.

После небольшой паузы Бруно сказал:

– Странная с нами случилась утром история, не правда ли? И пьяными мы вроде не были. Я сам себе кажусь сейчас смешным. А ты себе?

Она:

– Да, и я тоже. Нет, собственно говоря, нет.

Бруно взял чемоданы.

– Хорошо, что завтра мне опять на работу... Тебе ведь еще не приходилось жить одной.

Она:

– Ты, значит, сейчас от Франциски? – И добавила после паузы: – Не присядешь ли?

Уже выходя, Бруно сказал, покачав головой:

– До чего ж ты беспечна... Ты вообще хоть помнишь, что нас соединяло настоящее чувство, и вовсе не потому, что мы были мужем и женой, и все-таки потому, что мы ими были.

Она заперла за ним дверь, постояла. Услышала шум отъезжающей машины, подошла к шкафу рядом с дверью и уткнулась головой в висевшую там одежду.

В сумерках молодая женщина, не зажигая света, сидела перед телевизором с дополнительным каналом для наблюдения за детской игровой площадкой. Она смотрела на немой черно-белый экран, на котором как раз ее сын уверенно шел по бревну, а его приятель-толстяк то и дело срывался. Кроме них, на пустынной площадке никого не было. Глаза ее мерцали от слез.

Вечером молодая женщина с мальчуганом ужинали одни в большой комнате. Она уже все съела и теперь наблюдала за сыном, который прихлебывал и причмокивал. В доме было очень тихо. Только время от времени доносилось жужжание холодильника из кухни, соединенной с комнатой окошечком для подачи блюд. У ее ног стоял телефон.

Не хочет ли он, спросила она Стефана, чтобы она уложила его спать.

Мальчуган ответил:

– Но я же всегда сам ложусь.

Она:

– Так давай я хоть провожу тебя.

В детской она надела на удивленного мальчугана пижаму, хотела было поднять его и положить в постель. Но уж этому он воспротивился – сам лег в постель, а она накрыла его. В руке он держал книгу и теперь показал ей фотографию, на которой сняты были горы в сиянии яркого дня; на переднем плане летали галки. Он громко прочел подпись под фотографией:

– «Поздняя осень у подножия гор: при благоприятной погоде вершины манят нас и в это время года».

Он спросил, что это значит, и она объяснила ему подпись: при хорошей погоде можно и поздней осенью подниматься в горы. Она наклонилась к нему, но он сказал:

– От тебя пахнет луком.

В кухне молодая женщина, держа в руках тарелку сына с остатками еды, нагнулась к открытой дверце шкафчика, где стояло мусорное ведро, и нажала ногой на педаль так, что крышка поднялась. Все еще согнувшись, она вилок подцепила и отправила в рот два-три кусочка, все так же, согнувшись, пожевала, сбросила остатки в ведро. И надолго застыла в этой позе.

Ночью, лежа в постели на спине, она в какой-то миг широко открыла глаза. Кругом царил полная тишина; она подбежала к окну, распахнула его, и тишина нарушилась какими-то легкими шумами. Она пошла в комнату мальчугана, прихватив с собой одеяло, и легла рядом с его кроватью на полу.

В один из ближайших дней молодая женщина сидела в большой комнате, печатая что-то на машинке. Кончив, она вполголоса прочла напечатанное: «Наконец-то я могу принять

Ваше неоднократно повторенное предложение – переводить с французского. Сообщите Ваши условия. Сейчас я охотнее занялась бы специальной литературой. Я часто вспоминаю времена, когда работала в Вашем издательстве – (про себя она добавила: „Хотя от машинки постоянно страдала тендовагинитом запястья”), – и жду Вашего звонка».

Рядом с телефонной будкой на окраине поселка висел почтовый ящик, куда она бросила письмо. А когда повернулась, к ней шагнул Бруно. Он грубо схватил ее за руку, огляделся, проверил, не наблюдают ли за ними; далеко, в конце улицы, обернулись пожилые туристы – муж и жена, с рюкзаком, альпенштоком, в брюках гольф. Бруно подтолкнул ее в будку и тут неожиданно извинился. Потом долго смотрел на нее.

– Ну как, Марианна, сколько еще будет продолжаться эта игра? Я, во всяком случае, не желаю больше принимать в ней участие.

Она ответила:

– Только не вздумай говорить о ребенке.

Тогда он ударил ее, но в тесной будке сильно не ударишь. А потом поднял руки, словно хотел закрыть лицо, и тут же опустил их.

– Франциска считает, что ты сама не понимаешь, что творишь. Она говорит, ты не осознаешь исторических предпосылок своих поступков. – Он рассмеялся. – Знаешь, как она тебя называет? Доморощенный мистик. Да, ты мистик. Мистик! Тьфу, черт! Ты просто больна. Я сказал Франциске, что два-три сеанса электрошока привели бы тебя в чувство.

Они долго молчали. Наконец она сказала:

– Ты, понятно, можешь приходить, когда хочешь, например в субботу, и водить Стефана в зоопарк. Или в Исторический музей.

Они опять помолчали. Внезапно Бруно вытащил фотографию жены, протянул ей, а потом поджег зажигалкой. Она попыталась сдержать улыбку, отвела глаза – и все-таки улыбнулась.

Бруно вышел из будки и выбросил сожженную фотографию; Марианна вышла следом. Он обернулся, спокойно сказал:

– А я? Ты считаешь, что я вовсе не существую? Воображаешь, что из всех людей одна ты живая? Я тоже живой, Марианна. Я живой!

В эту минуту она выдернула Бруно, сошедшего на мостовую, из-под машины.

Бруно спросил:

– Тебе нужны деньги? – И достал несколько бумажек.

Она:

– У нас ведь общий счет. Или ты закрыл его?

Бруно:

– Нет, конечно. Но ты возьми их, даже если они тебе не нужны. Пожалуйста.

Он протягивал ей деньги, и в конце концов она взяла их, после чего у обоих стало явно легче на душе. Уходя, он попросил ее передать привет Стефану, она кивнула и сказала, что скоро навестит его, Бруно, в конторе.

Уже издали Бруно, обернувшись, еще раз крикнул ей:

– Не сиди подолгу одна! А то, чего доброго, загнешься.

Дома, встав перед зеркалом, она долго смотрела себе в глаза – не для того, чтобы разглядеть себя, а так, будто это удобный случай спокойно поразмыслить о себе.

И произнесла громко:

– Говорите что хотите. Чем глубже вы убеждены, что можете обо мне что-то сказать, тем больше я освобождаюсь от вас. Иной раз мне представляется, будто то новое, что я узнаю о людях, сразу же теряет силу. Если мне в будущем кто-нибудь станет объяснять, какая я, – даже желая мне польстить или поддержать меня, – я не допущу подобной дерзости.

Она потянулась, подняв руки над головой, под мышкой в пуловере открылась дырка; она сунула туда палец.

Время от времени она начинала переставлять мебель; мальчуган помогал ей. Потом они из разных углов разглядывали изменившиеся комнаты. На улице лил сильный зимний дождь, точно град подпрыгивая по мерзлой земле. Мальчуган специальной щеткой водил вдоль и поперек ковра; молодая женщина, стоя с непокрытой головой на площадке, протирала газетами большое окно. Потом мыльной пеной почистила коврик у двери. Бумаги и книги бросила в мешок для мусора, рядом с которым уже стояло несколько набитых завязанных мешков. Тряпкой обмахнула ящик для писем у входной двери; в большой комнате, стоя на стремянке, вывинтила из люстры лампочку, ввинтила другую, более яркую.

Вечером большая комната сверкала; стол темного дерева, застланный белой скатертью, был накрыт на двоих, посредине горела толстая восковая свеча, и воск ее, плавясь, вполне различимо потрескивал. Мальчуган свернул салфетки и поставил их на тарелки. Под тихую музыку («Застольная музыка в жилой ячейке», – говаривал Бруно) они уселись друг против друга. Когда же они одновременно развернули салфетки, она внезапно застыла, и мальчуган спросил, не щемит ли у нее опять сердце. Она долго качала головой, отрицая и одновременно удивляясь; потом сняла крышку с миски.

За едой мальчуган рассказывал:

– А в школе у нас новости. Нашему классу теперь достаточно четырех минут, чтобы снять пальто и ботинки, надеть тапочки и халаты. Директор сегодня засекает время на настоящем секундомере. А в начале учебного года нам нужно было десять минут! Директор сказал, что к концу года мы можем довести рекорд до трех минут. Мы бы и сегодня справились за три, если б толстяк Юрген не завозился с пуговицами своего пальто. Он потом проплакал все утро. А на перемене спрятался за нашими пальто и вдобавок наделал в штаны. Знаешь, как мы добьемся трех минут? Мы припустим бегом по лестнице и будем раздеваться на ходу!

Мать сказала:

– Ага, вот почему ты в холодную погоду всегда надеваешь легкое пальто – его проще расстегивать! – Она рассмеялась.

Мальчуган:

– Не смейся так. Ты смеешься, как толстяк Юрген, тот пыжится изо всех сил, чтобы рассмеяться. Ты никогда не радуешься взаправду. Только раз ты порадовалась за меня – когда я вдруг подплыл к тебе без круга. Ты даже закричала от радости, когда меня подхватила.

Она:

– Я этого совсем не помню.

Мальчуган:

– Зато я помню. – И со злостью выкрикнул: – Я помню! Я помню!

Ночью она сидела у окна и читала, положив рядом толстый словарь, задернув занавески. Позже, отложив книгу, она снова отодвинула занавески; где-то чья-то машина как раз подъехала к гаражу, а по тротуару прошла пожилая дама, прогуливая собаку, – она тотчас, словно ничто не могло от нее укрыться, посмотрела вверх, на окно, и помахала.

Молодая женщина проталкивала тележку с покупками по очень узкому проходу в универсаме, где покупателю, если кто-нибудь идет навстречу, приходится нырять в узкие боковые проходки. Вокруг стоял грохот пустых тележек, которые служащий сдвигал в одно место; звенели кассы, у стола выдачи залога звонили в ручной колокол, а по радио звучала музыка, которую то и дело прерывали объявления о предлагаемых товарах – на сегодняшний день, на неделю, на месяц. Какое-то время она стояла неподвижно, спокойно оглядывая все вокруг, глаза ее начали сиять.

В одном из таких проходков ее окликнула Франциска, тянувшая тележку за собой:

– Только что в хлебном отделе я видела, как здешней домохозяйке хлеб завернули в бумагу, а стоявшему за ней югославу просто так сунули... Обычно я хожу в лавочку у себя на углу, пусть даже салат там наполовину вялый или, как сейчас, наполовину мерзлый. Но ведь подобное человеколюбие целый месяц не выдержать.

Их со всех сторон толкали, и молодая женщина сказала:

– А я иной раз хорошо себя здесь чувствую.

Франциска кивнула на смотровую щель в пластиковой перегородке, сквозь которую человек в белом халате наблюдал за покупателями. Из-за шума ей приходилось кричать:

– Может, тебе даже кажется, что этот живой мертвец тебя оберегает?

Она:

– Он вполне подходит для универсама. А универсам вполне подходит для меня. Во всяком случае, сегодня.

Они встали в очередь к кассе, и Франциска ни с того ни с сего вдруг легонько погладила руку подруги. Но тут же смутилась и сказала:

– Мы, конечно, опять встали не к той кассе. Справа и слева все уже заплатили, а мы еще ждем. Мне всегда так не везет.

У входа в универсам дрожали от холода привязанные собаки. Франциска взяла молодую женщину под руку.

– Приходи, пожалуйста, завтра к нам, в наш кружок. Все будут тебе рады. Нас мучает сейчас мысль, что хоть разумом мы многое понимаем, но жизнь течет где-то мимо нас. Нам нужен человек, который сумел бы на какой-то миг остановить ее течение, который, короче говоря, был бы немножко чужак. Ты понимаешь, что я хочу сказать.

Марианна:

– Стефан в последнее время по вечерам неохотно остается один.

Франциска:

– О причинах этого ты можешь прочесть в любой книге по психологии. Бруно тоже не любит оставаться один. Сейчас же, говорит он, дают себя знать дурные детские привычки. Кстати, ты вчера видела по телевизору репортаж об одиноких людях?

Марианна:

– Я помню лишь то место, где интервьюер говорит одному из них: «Расскажите же какую-нибудь историю об одиночестве», а тот сидит и молчит.

После небольшой паузы Франциска сказала:

– Попытайся все-таки завтра прийти. Мы не судачим, как бабы в пивных.

Молодая женщина пошла на стоянку машин, и Франциска крикнула ей вслед:

– Не вздумай только пить в одиночку, Марианна!

И пошла со своими набитыми пластиковыми сумками дальше, у одной оборвалась ручка, и Франциске пришлось подхватить ее снизу.

Вечером молодая женщина и мальчуган сидели у телевизора. Наконец он вскочил и выключил аппарат. Она смутилась, захваченная врасплох, сказала:

– Спасибо. – И протерла глаза.

В дверь позвонили; мальчуган побежал открывать, а она поднялась, точно оглушенная. В открытую дверь быстро вошел издатель, грузный и в то же время несколько вертлявый господин лет пятидесяти, у него была привычка, разговаривая, очень близко подступать к собеседнику, при этом он слегка подчеркивал голосом те или иные слова. (Казалось, всякий раз речь шла о чем-то важном для него, и он лишь в том случае говорил напрямик, если собеседник давал ему понять, что ему не нужно утверждать себя. И даже тех, с кем он был вполне откровенен, он каждый раз встречал с нервозностью человека, которого внезапно разбудили и который приходит в себя, лишь когда окончательно проснется. Где бы он ни был, он держался так, будто

он тут хозяин, и его неумная общительность, сама себя неустанно подхлестывающая и потому особенно неприятно удивительная, сменялась только благодаря спокойствию собеседника расторможенностью, и тогда он словно бы отдыхал от своей постоянной готовности к общению.)

В одной руке он держал цветы, в другой – бутылку шампанского. Он сказал:

– Я понял, что вы теперь одна, Марианна. Издателю приходится читать между строк полученного письма. – Он протянул ей цветы и шампанское. – Десять лет! Да узнаете ли вы меня вообще? Я, во всяком случае, прекрасно помню ваш, Марианна, прощальный вечер в издательстве. И особенно хорошо я помню аромат майских лугов за неким ушком.

Мальчуган стоял рядом и слушал.

Она спросила:

– А какой аромат ощущаете вы сейчас?

Издатель потянул носом воздух.

Она:

– Это брюссельская капуста. Даже через несколько дней ее запах еще чувствуется в шкафах. Но дети так ее любят... Я сейчас принесу бокалы для шампанского.

Издатель воскликнул:

– Не просто шампанское! Французское шампанское! – И скороговоркой, совсем другим тоном: – А как, кстати, по-французски «брюссельская капуста»?

Она ответила:

– Chloux de Bruxelles.

Издатель захлопал в ладоши.

– Экзамен выдержан! Я принес вам записки молодой француженки, в которых, понятно, встречается много подобных выражений. Вы можете завтра же начать перевод.

Она:

– Почему не сегодня ночью?

Издатель:

– Майский жук, лети домой...

Она:

– Почему вы вспомнили о майском жуке?

Издатель:

– Вспомнил, видимо, о майских лугах.

Она только улыбнулась.

– Вы откроете бутылку?

Молодая женщина пошла с цветами на кухню. Издатель ковырялся с пробкой; мальчуган следил за ним.

Они сидели в большой комнате, пили шампанское; мальчугану тоже налили немножко. Один раз они чокнулись особенно торжественно, и она ласково погладила ребенка, а издатель сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.